19/08/2020

Святитель Григорий Палама. «Беседа о празднике Преображения Господня»

Для изъяснения таинства настоящего празднества и уразумения истины необходимо нам обратиться к самому началу нынешнего чтения Евангелия: “И по днех шестих поят Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возведе их на гору высоку едины” (Мф. 17, 1). Спрашиваем прежде всего, откуда Евангелист Матфей начинает счет шести дней, после которых наступил день Преображения Господня, то есть с какого дня? Как показывает ход речи, с того, в который Спаситель, наставляя учеников Своих, сказал им: “приити бо имать Сын Человеческий во славе Отца Своего”, и прибавил: “аминь глаголю вам, суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына Человеческаго грядуща во Царствии Своем” (Мф. 16, 27, 28), то есть, Свет предстоявшаго Преображения Он назвал Славою Отчею и Своим Царством. Это показывает и яснее раскрывает Евангелист Лука, говоря: “бысть же по словесех сих яко дний осмь, и поем Петра, и Иоанна, и Иакова, взыде на гору помолитися. И бысть, егда моляшеся, видение лица Его ино, и одеяние Его было блистаяся” (Лк. 9, 28-29). Но как согласить их между собою, когда один определенно говорит о промежутке восьми дней между беседой и явлением, а другой (говорит): “по днех шестих”? Слушайте и разумейте.

На горе было восемь, но видимы были только шесть: трое – Петр, Иаков и

Иоанн, возшедшие вместе с Иисусом, увидели там стоящих с Ним и беседующих Моисея и Илию, так что всех их было шесть; но вместе с Господом, конечно, были и Отец, и Дух Святой: Отец – гласом Своим свидетельствуя, что Сей есть Его Сын возлюбленный, а Дух Святой – воссиявши с Ним в светлом облаке. Таким образом, те шесть составляют восемь и по отношению к восьми не представляют никакого разногласия; равным образом не разногласят и Евангелисты, когда один говорит: “по днех шестих”, а другой: “бысть по словесех сих яко дний осмь”; но этими двоякими словами как бы дают нам некий образ таинственно, а вместе с тем явственно присутствовавших на горе. Разумеется, всякий, согласно с Писанием рассуждающий, знает, что благовестники согласны друг с другом: Лука сказал о восьми днях, не противореча Матфею, изрекшему: “по днех шестих”, – не присоединяя день, в который были произнесены те слова, а также дня, в который Господь преобразился (каковые дни Матфей представляет подразумевать разумно рассуждающим); Евангелист Лука не говорит: “по днех осьмих” (как евангелист Матфей: “по днех шестих”), а: “бысть яко дний осмь”. Но тем, в чем Евангелисты кажутся разногласящими, они друг чрез друга показывают нам великое и таинственное. В самом деле, почему один сказал: “по днем шестих”, а другой, оставив без внимания седьмой, припомнил о восьмом? Потому что великое зрелище Света Преображения Господня есть тайна восьмого дня, т. е., будущего века, имеющего открыться после погибели сотворенного в течение шести дней мира. О силе Божественнаго Духа, чрез которую достойным открывается Царствие Божие, Господь предрек: “суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие пришедшее в силе” (Мк. 9, 1). Везде присутствует Царь всяческих и везде – Царствие Его, так что пришествие Царства Его не обозначает перехода его с одного места на другое, но откровение его силой Божественнаго Духа, потому и сказано: “пришедшее в силе”. И эта сила явится не просто обыкновенным людям, но стоящим с Господом, то есть, утвержденным в вере в Него и подобным Петру, Иакову и Иоанну и прежде всего им самим как свободным от нашего природного уничижения. Поэтому, и ради этого именно, Бог являет Себя на горе, с одной стороны нисходя со Своей высоты, а с другой – возводя нас из глубины уничижения, так что Невместимый действительно вмещается смертной природой; и такое явление, конечно, гораздо превосходнее и выше ума как произведенное силой Божественного Духа.

Итак, Свет Преображения Господня не рождается и не исчезает и не подлежит чувствовательной способности и, хотя он был созерцаем телесными очами в течение краткого времени и на незначительном верху

горы, но и таинники (ученики) Господа на то время перешли от плоти к духу посредством изменения чувств, произведенного в них Духом, и таким образом увидели, чем и насколько облагодетельствовала их сила Божественного Духа – этот Неизреченный Свет. Не постигающие же этого измыслили, что избранные из апостолов видели Свет Преображения Господня чувствительной и сотворенной силой (способностью), – и чрез это покушаются низвести в тварь не только тот Свет, Славу Божию и Царство, но и Силу Божественного Духа, чрез которую достойным открываются Божественные тайны. Вероятно, таковые не слышали слов апостола Павла: “ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его. Нам же Бог открыл есть Духом Своим: Дух бо вся испытует и глубины Божия” (1 Кор. 2, 9, 10).

Итак, по наступлении восьмого дня, Господь, взявши Петра, Иакова и Иоанна, взошел на гору помолиться: ибо Он всегда или один молился, удаляясь от всех, даже от самих апостолов, как, например, в то время, когда насытил пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек, кроме женщин и детей (Мф. 14, 19-23), или, взявши с Собою немногих, которые превосходили прочих, как было при приближении спасительной страсти, когда, сказав прочим ученикам: “седите ту дондеже шед помолюся тамо” (Мф. 26, 36), – взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна. Вот и теперь, взявши только этих же, Господь возвел их на высокую гору одних и преобразился пред ними, то есть, в глазах их. “Что значит – преобразился?”, – вопрошает Златословесный Богослов (Златоуст) и отвечает: “открыл, то есть, им нечто из Своего Божества – столько, сколько они могли вместить, и показал в Себе обитающего Бога”. Евангелист Лука говорит: “бысть, егда моляшеся, видение лица Его ино” (Лк. 9, 29); у евангелиста же Матфея читаем: “и просветися лице Его, яко солнце” (Мф. 17, 2). Но Евангелист сказал это не в том смысле, чтобы тот Свет почитать за подлежащий чувствам (да удалится от нас ослепление ума тех, которые не могут представить себе ничего выше, подлежащего чувствам!), а желая показать, что Христос Бог – для живущих и созерцающих духом есть то же, что солнце – для живущих во плоти и созерцающих чувством: ибо другого Света для ведения Божества и не нужно тем, которые обогащены Божественными дарованиями. Возсиял же оный Неисповедимый Свет и таинственно явлен апостолам и начальнейшим из пророков в то время, когда (Господь) молился; этим показано, что родительницей этого блаженнаго видения была молитва, что блистание происходило и являлось от соединения ума с Богом, и что оно подается всем тем, которые, при постоянном упражнении в подвигах добродетели и молитвы, устремляют ум свой к Богу. Истинную красоту свойственно

созерцать только очищенному умом; пристально же взирающий на сияние ее принимает как бы некое участие в ней, как бы начертывает некоторый яркий луч на своем лице; потому-то и лице Моисеево просветилось от собеседования с Богом. Знаете ли, что Моисей преобразился, взойдя на гору, и там увидел Славу Божию? Но он (Моисей) не сам произвел, а только потерпел преображение; Господь же наш Иисус Христос Сам от Себя имел оный Свет. По этой причине, собственно, Он и не имел нужды в молитве для того, чтобы осиять Божественным Светом плоть Свою; но только показал, откуда оный Свет нисходит на святых Божиих, и каким образом можно созерцать его; ибо написано, что и святые “просветятся, яко солнце” (Мф. 13, 43), то есть, всецело проникнутые Божественным Светом узрят Христа, Божественно и неизреченно провозсиявшего, у Которого блистание, происходя от Божественного естества, явилось на Фаворе общим и плоти Его, по причине Ипостаснаго единения.

Мы веруем, что Он явил в Преображении не другой какой-либо свет, но только тот, который сокрыт был у Него под завесой плоти; этот же Свет был Свет Божеского естества, поэтому и Несотворенный, Божественный. Так, и по учению Богословствующих отцов, Иисус Христос преобразился на горе, не восприявши что-либо и не изменившись во что-либо новое, чего до того не имел, но показав ученикам Своим только то, что у Него уже было, отверзши очи их и сделавши их из слепцов зрячими. Видишь ли, что очи, видящие по природе, слепы по отношению к тому Свету?

Итак, Свет этот не есть свет чувственный, и созерцавшие его не просто видели его чувственными очами, но измененными силой Божественного Духа: они изменились и только таким образом увидели перемену, происшедшую при самом принятии нашей бренности, обоженной соединением с Словом Божиим. Отсюда и Зачавшая и Родившая чудесно узнала, что Рожденный от Нее есть воплотившийся Бог; и Симеон, лишь только принял этого Младенца на руки; и старица Анна, вышедшая к сретению – ибо Божественная сила просвечивалась, как бы сквозь стеклянную оболочку, сияя для имеющих чистые очи сердца.Да и для чего Господь пред началом Преображения избирает главнейших из лика апостольского и возводит их с Собою на гору? Конечно, для того, чтобы показать им нечто великое и таинственное. Что же особенно великого и таинственного в показании чувственного света, который обильно тогда имели уже не только избранные, но и остальные апостолы? Какая была нужда для них в изменении силой Духа очей их для созерцания того Света, если он чувственный и сотворенный? Как можно Славу и Царство Отца и Духа Святого представлять в каком-то чувственном свете? Неужели в подобной Славе и Царстве придет Христос Господь и в скончание века, когда

не будет нужды ни в воздухе, ни в пространстве, ни в чем-либо подобном, но когда, по свидетельству апостола, “Бог будет всяческая во всех” (1 Кор. 15, 28), то есть, будет заменять все для всех? Если же – все, то, следовательно, и свет. Отсюда явно, что Свет Фаворский был Светом Божественным! И Евангелист Иоанн, наученный Божественным Откровением, ясно говорит, что будущий вечный и пребывающий град не будет “требуя солнца и луны, да светят в нем: Слава бо Божия просвети его, и светильник его – Агнец” (Апок. 21, 23). Не ясно ли, что он показывает здесь Того же Иисуса, Который ныне на Фаворе Божественно преобразился, и плоть Которого сияла, как светильник, являющий Славу Божества восшедшим вместе с Ним на гору? Равным образом и об обитателях того града тот же Богослов говорит: “не потребуют света от света, ни света солнечнаго, яко Господь Бог просвещает я: и нощи не будет тамо” (Апок. 22, 5). Но какой же, спрашиваем, есть другой свет, у котораго “несть пременение или преложения стень” (Иак. 1, 17)? Какой есть свет непреложный и незаходимый, если не Свет Божества? Притом, Моисей и Илия (и особенно первый, который, явно, присутствовал духом, а не плотью) посредством какого чувственного света могли быть осияны, видимы и познаны? ибо и о них написано: “явльшася во Славе, глаголаста же исход Его, его же хотяше скончати во Иерусалиме” (Лк. 9, 31). И как иначе апостолы могли узнать тех, кого никогда до того не видели, если не при таинственной силе Божественного Света, открывшего мысленные очи их?

Но не станем утомлять внимания вашего дальнейшим изъяснением слов Евангелия. Будем веровать так, как научили нас те самые, которые просвещены от Самого Христа, поскольку только они одни знают это хорошо: ибо тайны Божии ведомы, по словам Пророка, одному Богу и Его присным. Мы же, разумея тайну Преображения Господня по их наставлению, будем и сами стремиться к озарению этим Светом и возгревать в себе любовь и стремление к Неувядаемой Славе и Красоте, очищая духовные очи от земных помыслов и огребаясь от тленных и скоропреходящих сладостей и красот, помрачающих одежду души и ввергающих в огнь геенский и тьму кромешную, от которых да освободимся озарением и познанием Невещественного и Присносущного Света преобразившегося на Фаворе Спаса нашего, во Славу Его, и Превечного Отца Его, и Животворящего Духа, Которых Едино Сияние, Едино Божество, и Слава, и Царство, и Сила ныне и присно и во веки веков. Аминь.

blagoistr.ru